

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-97-114

ПРЕДИКТОРЫ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА СО СТОРОНЫ СВЕРСТНИКОВ

Нестерова А.А., Гришина Т.Г.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение некоторых семейных и средовых предикторов буллинга (школьной травли) младших подростков в отношении сверстников. В исследовании приняли участие подростки в возрасте 10–13 лет в количестве 758 человек из школ Москвы, Московской области и Астрахани. Выявлено, что буллингу в школе чаще подвергаются мальчики 11–13 лет, при этом агрессорами чаще выступают девочки, которые используют вербальную и социальную виктимизацию жертвы в процессе травли. Отмечается связь между высоким уровнем агрессии со стороны родителей и вероятностью проявления систематического насилия и виктимизации сверстников. Определён перечень средств, которые, по мнению детей, защитят их от травли в школьной среде. Авторы доказывают необходимость более широко рассматривать проблему школьной травли – в комплексном социально-психологическом контексте.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, младший подростковый возраст, факторы агрессии и виктимизации сверстников, безопасность образовательной среды школы.¹

PREDICTORS OF SCHOOL BULLYING AGAINST YOUNGER ADOLESCENTS FROM PEERS

A. Nesterova, T. Grishina

Moscow Region State University

24, Vera Voloshina ul., Mytishi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to consider some family and environmental predictors of bullying (school baiting) of younger adolescents against their peers. The study involved 758 teenagers aged 10-13 years from schools in Moscow, Moscow region and Astrakhan. It has been revealed that boys of 11 to 13 years old are bullied more often at school, while girls more often become the aggressors who use the verbal and social victimization of the victim in the process of baiting. It is noted that the high level of parents' cruelty and aggression is connected with the possibility of systematic violence and victimization of peers. The list of protective means is defined. According to the children they will protect them from baiting at school. The authors prove the need for a more wide consideration of the school baiting problem in a complex socio-psychological context.

Key words: bullying, school baiting, young adolescents, factors of aggression and victimization of peers, safety of educational environment of school.

Постановка проблемы

По данным Всемирного доклада о насилии в отношении детей можно констатировать, что каждый десятый современный школьник в мире подвергается насилию в образовательной среде, и этот показатель, к сожалению, ежегодно возрастает. Статистика частоты и систематичности проявления буллинга (школьной травли) в образовательных организациях разных уровней и типов очень противоречивая и отличается в разных странах и даже регионах одной страны. Проведённое в 27 странах мира в 2014–2015 гг. исследование школьной травли и буллинга выявило, что «лидером» по распространённости этого явления в школах является Австрия, так как почти 22% австрийских мальчиков в возрасте от 11 до 15 лет подвергаются буллингу в школе. Самый низкий показатель был зафиксирован в Швеции – всего 4% подобных случаев. Данное исследование отображает ситуацию со школьным насилием лишь в отношении мальчиков от 11 до 15 лет, но при этом результаты этого исследования констатируют высокий уровень распространённости этого явления в Российской Федерации (18% мальчиков испытывали на себе травлю со стороны одноклассников) (цит. по: [9]).

Что касается статистики распространённости буллинга на территории постсоветского пространства (страны СНГ), она тоже различается в разных государствах. Так, например, в Республике Казахстан хотя бы раз с этим явлением в школе столкнулось 66% (sic!) детей, в Армении – 19,7% учащихся, в Кыргызстане – около 30%, в Республике Беларусь – 2,4% [5]. Такая разница в цифрах может быть объяснена различием методологий исследования в

разных странах, а также путаницей в разделении понятий «буллинг» и «единичная конфликтная ситуация (стычка)» в школе между сверстниками.

«Школьная травля (буллинг)» отличается от понятий «конфликт», «виктимизация», «насилие», «агрессия», так как определяется как объективно существующие на протяжении достаточно длительного времени, систематические (например, несколько раз в неделю) нападки на обучающегося с целью изоляции и запугивания. Чтобы отличить буллинг в школе от других проявлений насилия и враждебности, многие авторы подчёркивают специфику этого явления, которая выражается в асимметричности позиций участников (различия власти у агрессора и жертвы), преднамеренности (неслучайность происходящего), виктимизации жертвы (снижение самооценки, униженность), наличии групповой динамики (буллинг – это групповой процесс, в котором присутствует обидчик, жертва, наблюдатель и т. п.), повторяемости (происходит многократно) [5; 6; 9; 13; 15; 16; 21].

Среди участников школьной травли (буллинга) выделяют следующие категории детей:

- зачинщиков (руководителей) процесса травли, которые инициируют издевательства над одним из учеников;
- последователей, которые присоединяются к издевательствам, когда их уже кто-то инициировал;
- сторонних наблюдателей («группу молчаливой поддержки» травли), активно не вовлекающихся в процесс травли, но наблюдающих и подкрепляющих травлю своим эмоциональным одобрением, невмешательством с целью защиты жертвы;

– жертв буллинга, которые терпят систематические издевательства и насмешки [8; 19; 24].

На сегодняшний день в России и за рубежом проведено довольно много исследований, которые раскрывают причины распространения буллинга в школьной среде [6; 13; 19; 23; 24]. Среди различных факторов буллинга отмечают и личностные особенности агрессоров и жертв [3; 8; 10; 11; 12; 14], и семейные факторы, провоцирующие перенос агрессии из семьи во взаимоотношения со сверстниками [4; 6; 16; 19], и средовые факторы неблагополучия, влияющие как на вхождение в роль «булля», так и на принятие для себя роли «жертвы» [2; 7; 11; 15]. При этом очень мало исследований, которые бы не дискретно, а интегрировано с точки зрения социально-средового подхода рассматривали это явление, чтобы выяснить вклад различных факторов и переменных в формирование и распространение его среди младших подростков. В данной статье ставится цель восполнить дефицит комплексных исследований феномена «буллинг в школьной среде» посредством методологии социальной психологии.

Буллинг очень по-разному проявляется в школьной среде. Существует большое количество опросников, анкет, диагностических методик, позволяющих выявить, каким образом проявляется буллинг в школьной среде, среди одноклассников. Так, немецким исследователем Х. Каспером был разработан опросник «Smob», который переведён и адаптирован в некоторых странах, в том числе и в России (С.В. Кривцовой и её коллегами) [9; 20]. Опросник Х. Каспера содержит пять важных для ребёнка ценностей

взаимодействия, на которые происходит покушение в процессе школьной травли. Среди этих ценностей: 1) возможность общения и самовыражения; 2) потребность в социальных связях и аффилиации; 3) качество школьной жизни и житейские ситуации в школе; 4) социальный статус; 5) физическая и имущественная неприкосновенность. Все или часть этих ценностей в ситуации буллинга подвергаются нападкам и надругательствам [20].

Ещё одной важной особенностью буллинга в школе является общепризнанный факт, что это явление наиболее распространено среди детей 11–13 лет. С возрастом интенсивность и частота случаев издевательства над сверстниками в школах снижается. Таким образом, младший подростковый возраст – это фактор риска для проявления буллинга в школе. Если попытаться ответить на вопрос о причине такой закономерности, стоит вспомнить, что младший подросток характеризуется часто противоречивыми, амбивалентными стремлениями к автономии и независимости в сочетании с одновременным ожиданием социальной поддержки и одобрения. Это проявляется и в том, что, несмотря на близкие, доверительные отношения с родителями, в этом возрасте вспыхивают серьёзные и частые с ними конфликты. Такие же закономерности отмечаются в отношениях со сверстниками. Многие исследователи отмечают, что в этом возрасте дети воспринимают гораздо меньше поддержки со стороны окружающих, им кажется, что близкие принимают гораздо меньшее участие в их жизни. В этом возрасте очень значимым становится фактор «трансляции агрессии» из референтных сообществ (се-

мы, дружеских компаний). Насилие, которое наблюдает школьник в референтных группах, в результате вполне может стать причиной «переноса» агрессивных действий в школьную среду [6; 10; 22; 23]. Вышеобозначенные факты легли в основу инициирования данного исследования именно на выборке детей младшего подросткового возраста.

Стоит отметить, что такое явление, как буллинг в школьной среде, появляется не только в результате возникающей антипатии или какого-то конфликта, вспыхнувшего между «агрессором» и «жертвой». Мы понимаем буллинг как широкое социально-психологическое явление, которое возникает в результате воздействия множества факторов (личностных, семейных, средовых), в котором представлено множество внутригрупповых процессов и задействована (прямо или косвенно) целая группа людей (включая сторонних наблюдателей, педагогов, родителей и пр.).

На наш взгляд, лучше всего с методологических позиций социальной психологии возникновение буллинга можно объяснить, опираясь на теорию экологических систем Ури Бронфенбреннера. Согласно этой теории, поведение любого человека, представителя какой-либо системы (в данном случае – школы), влияет на поведение других людей из этой же системы. Влияние, оказываемое одним человеком в любой социальной системе на другого, имеет и обратный эффект: в конечном итоге воздействующий человек претерпевает на себе и ответное влияние от других участников системы, в результате чего и все участники системы, и сама система видоизменяются [18].

Так, английская исследовательница Кейт Салливан в своей книге «Руководство по анти-буллингу» описала «эффект пульсации», посредством которого буллинг возникает в школьной среде. Подобно брошенному в воду камню, который вокруг себя распространяет пульсирующие, концентрические круги-волны, издевательство и травля одного ученика в школе в отношении другого также захватывают в свой водоворот большое количество людей и подсистем. В эту ситуацию оказываются включёнными и сами участники травли, и сторонние наблюдатели, и родители, и педагоги [25]. В случае издеательства над сверстником жертвой насилия становится отдельный ученик. На вторичном уровне в процесс буллинга оказываются втянутыми родители и семьи учеников-жертв. Далее этот процесс затрагивает и тех, кто стал свидетелем такого насилия (одноклассники или даже ученики других классов), которые слышат о запугивании, о безнаказанности обидчиков. Это может вызывать страх, тревогу и чувство небезопасности, равно как и чувство стыда из-за неспособности помочь жертве, отсутствия возможности остановить издевательство.

Наше исследование также будет базироваться на концепции «запланированного социального поведения» Айзена и Маддена, которая также хорошо встраивается в систему понимания процесса возникновения травли в школе. По мнению авторов, поведенческие намерения в отношении других людей зависят от трёх групп факторов: отношения к какому-то явлению; разделяемых субъектом групповых норм; предполагаемого поведенческого контроля [17]. С нашей точки зрения, в рамках

теории запланированного поведения, в ситуации буллинга эти группы факторов выглядят следующим образом:

1) личные убеждения человека в отношении издевательства над одноклассником (отношение к буллингу в принципе);

2) субъективные нормы и ценности, стандарты поведения (приемлема или не приемлема травля в ценностях референтной социальной группы: друзей, родителей и т. п.);

3) предполагаемый поведенческий контроль (представления ученика, что его ждёт в результате издевательства; будет ли он наказан, остановлен; какие внешние факторы могут повлиять на это поведение).

Как видно из обеих представленных теорий (экологическая теория и модель запланированного поведения), школьная травля (буллинг) является результатом индивидуальных особенностей ученика и одновременно результатом влияния факторов окружающей среды (нормы, правила и ценности референтных групп). Все эти факторы социальной среды образуют в итоге конструкцию безопасности образовательного пространства, поэтому в нашем исследовании мы будем рассматривать, как младшие подростки воспринимают внутришкольный климат, который в том числе отражается в частоте и распространённости травли среди сверстников. Мы будем также рассматривать, как младшие подростки относятся к буллингу, какие имеют представления об этом явлении и личный опыт. В задачи исследования входит анализ факторов влияния семейных взаимоотношений и безопасности образовательной среды, воспринимаемой школьниками.

Процедура исследования

Цель нашего исследования – проанализировать и описать в результате социально-психологического опроса и диагностики различные проявления школьного буллинга в среде младших подростков. Задачами исследования, представленного в данной статье, стали:

– изучение особенностей проявления буллинга в отношении сверстников среди младших подростков в школах Москвы, Московской области и Астрахани;

– исследование семейных факторов, связанных с проявлением агрессии и виктимности, а именно взаимоотношений с родителями, взаимодействия с сиблингами, системы дисциплинирования, наказания и поддержки в семье;

– выявление факторов влияния отношений с педагогами, безопасности школьной среды в целом на частоту и характер проявления школьной травли.

Для нашего исследования важно было также посмотреть половозрастные особенности проявления буллинга, выявить региональную специфику выраженности этого явления.

Исследование проводилось на базе школ в городе Москве, Астрахани и Московской области. В исследовании приняли участие подростки в возрасте 10–13 лет в количестве 758 человек. По полу выборка представляет собой 46% мальчиков и 54% девочек. 76% младших подростков имеют сиблингов (братьев, сестёр), многие воспитываются в многодетных семьях.

В этой серии исследования использовалась авторская социально-психологическая анкета, учитывающая такие характеристики, как статус семьи (полная, неполная, многодетная и пр.), наличие сиблингов, социальный ста-

тус семьи (рабочие, служащие, частные предприниматели), отношение в семье, статус проживания ребёнка.

Для исследования буллинга использовались «Анкета оценки буллинга в классе» (автор С.В. Кривцова), опросник «Обстановка в классе» (автор С.В. Кривцова) [13], методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (автор И.А. Баева), шкала виктимизации сверстников (в адаптации И.А. Фурманова), шкала тактики поведения в

родительско-детском конфликте (в адаптации И.А. Фурманова) [16]. Для того чтобы выявить «скрытые» случаи буллинга, помимо количественных методов нами использовались качественный анализ и беседа с некоторыми испытуемыми и с психологами школ.

Для обработки результатов исследования использовались математико-статистические методы: t-критерий Стьюдента, F-критерий Фишера, корреляционный и дискриминантный анализ.

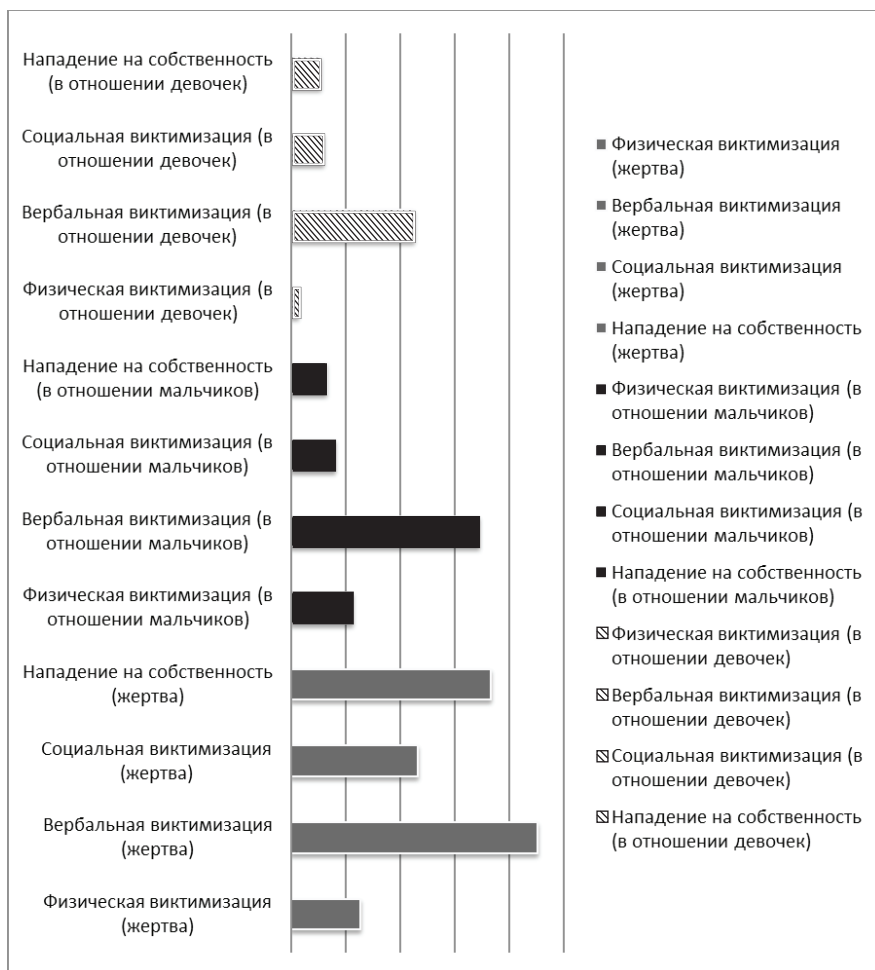

Рис. 1. Средние значения виктимизации сверстников 10–13 лет в школе (методика И.А. Фурманова)

Результаты исследования

Особенности проявления буллинга в школе среди младших подростков

По результатам нашего исследования гораздо чаще жертвами школьной травли становятся мальчики в возрасте 10–13 лет (рис. 1), но при этом девочки чаще испытывают на себе отдельные (разовые) проявления агрессии (вербальной и социальной), чаще со стороны представительниц своего же пола.

Из рисунка 1 видно, что чаще всего младшие подростки описываемой выборки становятся жертвами вербальной виктимизации, также они переживают нападение на их собственность со стороны одноклассников. Большая часть выборки (и девочки, и мальчики) демонстрируют склонность к вер-

бальной травле своих одноклассников-мальчиков, чуть реже встречается участие девочек в вербальном буллинге своих одноклассниц-девочек. В нашей выборке в ситуации травли девочки чаще становятся агрессорами и в отношении мальчиков, и в отношении девочек; мальчики же чаще преследуют мальчиков, используя вербальную виктимизацию и нападение на собственность жертвы.

На вопрос, приходилось ли им терпеть унижения, оскорбления, издевательства со стороны сверстников, учащиеся дали следующие ответы (рис. 2):

- 1) 17,3% ответили «часто»;
- 2) 29,8% ответили «только иногда»;
- 3) 44,3% ответили «никогда»;
- 4) 8,6% ответили «очень часто».

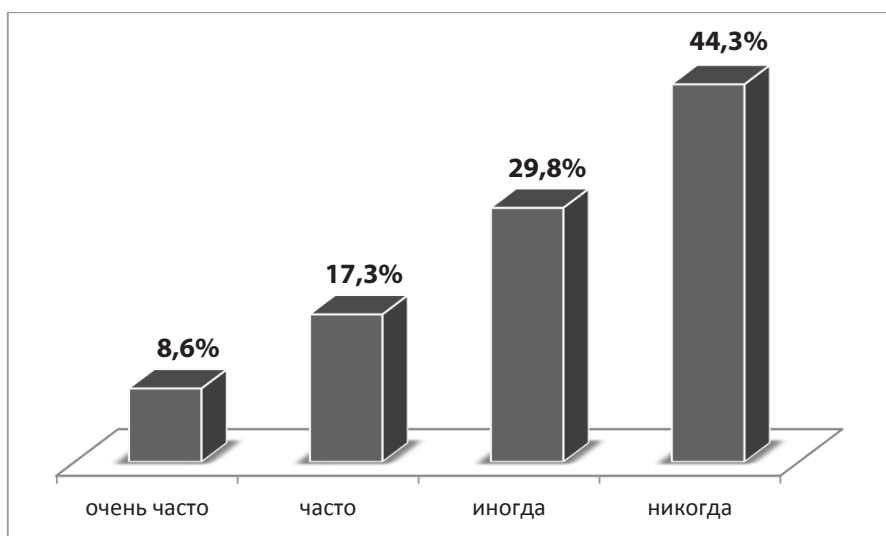

Рис. 2. Частота встречаемости издевательств со стороны сверстников в школе

Более 8% школьников отметили, что достаточно длительное время были жертвами буллинга. Чаще всего в их отношении применялись психологическая травля, социальная изоляция (бойкоты, игнорирование), значитель-

но реже нападение на их собственность, и совсем редко – физическая агрессия.

Среди ответных чувств, которые возникают в ситуации школьной травли, дети отмечают обиду, гнев, желание исчезнуть, отомстить и пр. (рис. 3).

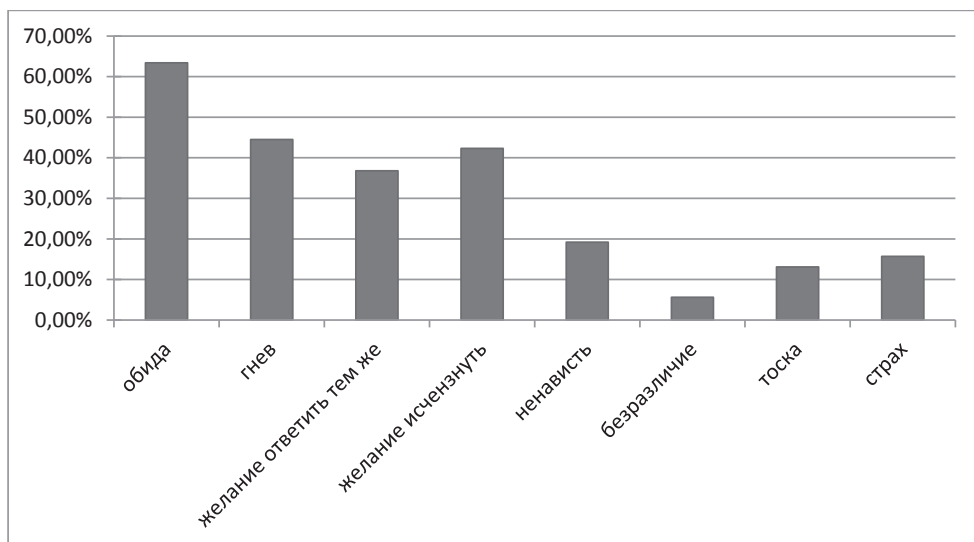

Рис. 3. Чувства младших подростков в ситуации школьной травли

10% младших подростков становились жертвами вымогательств, причем 4% в школе. 46% школьников в беседе отметили, что они никому об этом не рассказывали, 36% рассказали родителям, 18% – друзьям. Ни один ребенок, подвергавшийся в школе вымогательству, не рассказал об этом учителю или школьному психологу. Были случаи, когда учителя сами замечали ситуацию травли и включались в этот процесс с целью помочь ребёнку.

В процессе исследования была выявлена и региональная специфика проявления буллинга в отношении младших подростков со стороны сверстников. Наиболее благоприятная обстановка, характеризующая большую безопасность и толерантность одноклассников, отмечается в городе Астрахани, а в Московской области явления школьной травли и издевательств встречаются статистически достоверно чаще (в три раза чаще по сравнению с г. Астраханью). В иссле-

дованных школах Московской области в 2 раза чаще проявляется буллинг по отношению к мальчикам со стороны мальчиков (в сравнении с городами Москвой и Астраханью). В Москве и Московской области девочки гораздо чаще проявляют агрессию к девочкам, несколько реже в отношении мальчиков. В Астрахани зарегистрировано всего 7% случаев проявления травли со стороны девочек в отношении девочек и 3% в отношении мальчиков.

Особенности семьи и семейные предикторы буллинга

На первом этапе анализа результатов перед нами стояла задача проанализировать, в каких типах семей, с какими воспитательными традициями проживают опрашиваемые дети. Школьники, принявшие участие в опросе, проживают в разных семьях: нуклеарных, расширенных, неполных. Для российской выборки очень характерно, что большинство детей про-

живают с бабушками, дедушками или находятся под их присмотром. 76% опрошенных детей имеют сиблингов, часто несколько. Социальный статус семьи, в которой ребёнок проживает, следующий:

- семьи рабочих – 48%;
- семьи служащих – 25%;
- семьи частных предпринимателей и бизнесменов – 27%.

Отношения в семье дети характеризуют как спокойные и дружные в 42% случаев; 46 % подростков отмечают наличие небольших конфликтов и ссор. О напряжённых отношениях в семье говорят 6% детей, и 2% школьников сетуют на очень конфликтные отношения внутри их семьи. Что касается наказаний внутри семьи, 82% детей утверждают, что их наказывают морально и психологически, около 9% отмечают в наказаниях родителей физические методы воздействия и лишь 8% детей говорят, что их вообще никогда не наказывают. При обсуждении вопросов, связанных с телесными наказаниями, 13% школьников отвечают, что всё-таки, от случая к случаю, к ним применяются дома телесные наказания (к мальчикам в 3 раза чаще, чем к девочкам). 54% школьников говорят о том, что телесные наказания применяются очень редко (не чаще одного раза в год). 31% детей никогда не испытывали телесных наказаний от родителей. В отношении 3% детей родители используют очень частые и жёсткие телесные наказания. Интересно, что 14% школьников отмечают несправедливое и незаслуженное применение к ним наказания в семье. Наказание чаще исходит от матери (67% случаев). Гораздо реже наказывают отцы (26%), старшие братья и сёстры (7%). Очень

редко наказывают детей в семье бабушки и дедушки. В нашей выборке в 1% ответов встретилось утверждение, что наказывает бабушка (такие ответы встретились только у девочек). Младших подростков, по их ответам, чаще наказывают за ложь, грубость, нецензурную брань, низкие оценки по школьным предметам, «плохое поведение», чрезмерное увлечение телефоном и гаджетами, непослушание, лень, безынициативность, неделанное домашнее задание, проявление неуважения к родителям, ссоры с братьями и сёстрами, упрямство и за «плохой характер» (по словам родителей).

Среди наиболее часто встречающихся тактик воспитания родители предпочитают разъяснение (34%), похвалу и поддержку (30%), награждение и поощрение (12%), ругань и физические наказания (18%), запреты и лишения (6%).

Семейные факторы нуждались в более детальном рассмотрении, так как многие исследования показывают, что отношения внутри семьи очень часто становятся причинами виктимизации подростка, появления у него скрытых форм агрессии, затаённых обид, которые часто находят своё выражение в отношении со сверстниками [4; 10; 16]. Такая закономерность была найдена и в нашем исследовании. Так, дети, которые подвергаются телесным наказаниям или психологическому давлению со стороны матери, чаще в школьной среде становятся буллями, выражающими физическую агрессию в отношении мальчиков ($r = 0,25$ при $p < 0,01$). Жёсткое дисциплинирование со стороны отца также может стать предиктором потребности ребёнка виктимизировать с помощью физической силы

одноклассника-мальчика ($r = 0,30$ при $p < 0,01$). Интересно, что наказания и жестокость со стороны сестры и брата, постоянные ссоры с ними приводят к тому, что в ребёнок гораздо чаще сам становится жертвой вербальной травли и агрессии со стороны сверстников ($r = 0,27$ и $r = 0,24$ соответственно, при $p < 0,01$). Были получены также сведения, которые демонстрируют, что различные способы жестокости, проявленные в семье в отношении ребёнка, обратно пропорционально коррелируют с желанием проявить любой вид травли в отношении девочек, в то время как в отношении травли мальчиков эта связь прямая. Именно этот факт хорошо объясняется данными других исследований, что в ситуации травли (физической, психологической) гораздо чаще попадают именно мальчики, становясь жертвами агрессора.

Корреляционный анализ также подтверждает тот факт, что любое проявление жестокости и агрессии в отношении ребёнка в семье (со стороны и матери, и отца, и сиблингов) является мощным предиктором того, что ребёнок в школе будет с большей вероятностью покушаться на собственность одноклассников (прежде всего мальчиков). Достоверная прямая корреляционная связь в этом случае найдена во всех случаях виктимизации с уровнем значимости $p < 0,01$. Среди наиболее приемлемых воспитательных стратегий, которые могут снизить риск участия в школьной травле, можно отметить дисциплинирование со стороны всех членов семьи, которое связано с тем, что ребёнок не даст себя в обиду, не будет социально изолирован и не позволит нападать на свою собственность ($p < 0,01$).

Отрадно, что физическая виктимизация и физический буллинг в отношении девочек в нашей выборке практически не встретились, чего не скажешь о вербальной агрессии и социальной изоляции.

Особенности школьной среды и буллинг в младшем подростковом возрасте

Не менее важным фактором, который может запустить процесс травли в школьной среде, является и характеристика самой образовательной среды, её участников [1; 7; 8; 13; 25]. В следующей серии наших исследований мы рассматривали фактор включения в этот процесс педагогов, а также и безопасность для ребёнка образовательной среды в целом.

Так, в результате опроса выяснилось, что 19% учащихся становились жертвами травли (буллинга) со стороны педагогов, редкие (единичные) нападки учителей отмечали 47% учеников, 34% сказали, что учителя их никогда не унижали и не оскорбляли.

Довольно плачевными оказались также результаты опроса на тот предмет, насколько учитель может стать помощником и защитником в ситуации травли ребёнка в классе. Лишь 56% детей ответили, что учителя каким-то образом реагируют и пытаются прекратить буллинг, 38% детей констатировали тот факт, что учителя «стараяются не замечать происходящего», «не обращают внимания», «закрывают глаза на это», а некоторые даже разжигают конфликты, «подливая масло в огонь» (так ответило 6%). Примечательно, что 4% детей отметили частое применение учителями телесных наказаний к ученикам (подзатыльники,

толкание и пр.), а 8% высказались об эпизодических выплесках физической агрессии учителей в отношении учеников. Этот факт заставляет задуматься о тех моделях выражения агрессии, которые транслируют педагоги своим ученикам в процессе школьного взаимодействия.

По методике И.А. Баевой «Психологическая безопасность образовательной среды школы» можно выделить следующие закономерности в результате дискриминантного анализа:

– ощущение безопасности школьной среды у младших подростков больше всего разрушают такие факторы, как нападение на собственность, социальная изоляция (бойкоты), вербальная виктимизация (ранжирование по показателю «лямбда Уилкса»);

– позитивное отношение к школе зависит от ощущения защищённости от социальной изоляции (ранжирование по показателю «лямбда Уилкса»);

– удовлетворённость психологическим климатом в классе зависит прежде всего от возможности быть защищённым от вербальной травли.

В целом безопасность образовательной среды имеет прямую корреляционную связь с удовлетворённостью психологическим климатом в классе ($r = 0,31$ при $p < 0,01$) и статистически достоверно не связана с отношением ребёнка к школе в целом.

20% школьников ответили, что в их классе довольно много учеников, которые нуждаются в помощи и защите от травли сверстников; 62% отмечают, что такие дети есть, но их единицы. 18% младших подростков утверждают, что в их школе и классе таких детей (нуждающихся в защите от буллинга) просто нет.

Многие дети о факте школьной травли не хотят никому рассказывать. Данные разнятся по выборке мальчиков и девочек (табл. 1).

Таблица 1

Ответы мальчиков и девочек о желании рассказать о фактах буллинга (в %)

«С кем бы я поделился о факте травли в школе»	Девочки	Мальчики
мама	42,3	14,8
папа	24,1	17,4
друг (одноклассник)	25,3	28,4
друг (вне школы)	17,4	13,2
учитель	9,8	13,1
брат, сестра	13,4	5,8
бабушка, дедушка	11,5	2,0
психолог	3,7	0,9
ни с кем	10,3	27,3

Таким образом, 27% мальчиков и 10% девочек вообще бы умалчивали о факте буллинга, не сообщив об этом даже самым близким родственникам.

Мальчики гораздо охотнее рассказали бы о своей проблеме друзьям, нежели родителям. Важным показателем для современной психологической службы

в образовательной организации является факт, что только 3,7% девочек и 0,9% мальчиков обратились бы за помощью к школьному психологу. К сожалению, результаты убедительно демонстрируют низкое доверие со стороны подростков к психологу школы и педагогу в вопросах противостояния агрессии сверстников.

Качественный анализ ответов на вопрос *Что можно сделать для того, чтобы в школе было меньше агрессивных отношений?* представил такую картину:

1) *жестокое наказание агрессоров, которое ещё больше подпитывает ненависть и напряжённость*: «убить агрессора», «пустить на органы», «сжечь на костре», «выпустить кишки», «также издеваться над агрессорами», «ликвидировать» и т. п.;

2) *поддержка школы, администрации, учителей*: «установить чёткие порядки и законы в школе», «следить за порядком в школе», «развивать толерантность на уроках», «наказывать учителей за демонстрацию агрессии», «учителя должны реагировать на травлю», «проводить воспитательные беседы», «классные часы по этому вопросу», «ввести наказания для агрессоров», «отменить школьную форму», «ввести уроки по правам человека», «проводить профилактические занятия», «распределять агрессивных учеников по разным классам, чтобы не было группировок», «отправлять хулиганов к директору», «проводить психологические тренинги», «разговаривать со школьным психологом», «наказывать хулиганов с привлечением полиции», «улучшить качество учителей (выгнать агрессивных)»;

3) *личностные изменения самих учеников*: «быть терпимее», «уважать

друг друга», «не обижать слабых», «быть добрее, спокойнее», «относиться к друг другу с пониманием», «слушать друг друга», «не использовать унижения и оскорбления», «быть командой», «иметь общее дело», «налаживать самому свои отношения со сверстниками», «справедливо оценивать душевные качества друг друга», «относиться к другим так, как хотел бы, чтобы относились к тебе»;

4) *привлечение родителей*: «пусть родители научиться воспитывать своих детей-хулиганов», «призывать родителей к ответственности за агрессию детей», «запрет со стороны родителей агрессивных фильмов и мультфильмов»; «учить детей общаться дома и в школе», «вызывать родителей агрессоров в школу для разъяснительных бесед»;

5) *фаталистические ответы* (в основном в группе мальчиков): «ничего не изменить», «невозможно что-то сделать», «все будет по-прежнему», «никому не верить, никого ни о чем не просить», «терпеть и мучиться».

Таким образом, на наш взгляд, проявление буллинга необходимо рассматривать в более широком социально-психологическом контексте, ориентируясь и на личностные, и на социально-средовые факторы. Это поможет выявить механизмы нивелирования процесса виктимизации младших подростков, позволит наметить пути коррекции их поведения в отношении сверстников, снизить уровень агрессии, проявляющейся во внутришкольном взаимодействии.

Выводы

1. Буллинг в школе (школьная травля) отличается от единичных конфликтов среди сверстников и выражается в

ассиметричности позиций участников (различия власти у агрессора и жертвы), преднамеренности (неслучайность происходящего), виктимизации жертвы (снижение самооценки, униженность), наличии групповой динамики (буллинг – это групповой процесс, в котором присутствует обидчик, жертва, наблюдатель и т. п.), повторяемости (происходит многократно). В методологию исследования буллинга могут быть положены теория экологических систем У. Бронфенбреннера и теория запланированного социального поведения Айзена и Маддена.

- К сожалению, приходится констатировать, что буллинг в школе среди младших подростков является достаточно распространённым явлением. В нашем исследовании жертвами буллинга назвали себя 13% мальчиков и 8% девочек. 17% детей отметили, что достаточно часто являлись жертвами издевательств и оскорблений со стороны одноклассников, 8,6% констатировали, что травля в их отношении была организована много раз.

- Все формы виктимизации в отношении сверстников (физическая, вербальная, социальная, нападение на имущество) проявляются гораздо чаще в отношении мальчиков. При этом буллями с чуть большей вероятностью и перевесом становятся девочки (особенно это касается вербальной травли и социальной изоляции одноклассников).

- В ситуации школьной травли подростки испытывают обиду, гнев, желание исчезнуть, ненависть и тоску. При таких сильных внутренних переживаниях дети не готовы делиться своей бедой со взрослыми (особенно мальчики) и, к сожалению, не стремят-

ся к получению помощи от учителя и школьного психолога. 10% девочек и 27% мальчиков вообще предпочитают переживать школьную травлю в одиночестве, ни с кем не советуясь и не получая поддержки.

- Была выявлена некоторая региональная специфика. Среди трёх регионов, участвовавших в исследовании (г. Москва, Московская область, г. Астрахань), проявления буллинга гораздо чаще встретились в подмосковных школах. Меньше всего это явление встретилось в школах города Астрахани.

2. Семейные взаимоотношения и обстановка в семье влияют на проявление буллинга. 13% младших подростков дома жёстко наказывают, в том числе применяя физическое насилие. Часто дети чувствуют несправедливость в этих наказаниях, в результате чего накапливаются скрытая враждебность и агрессия, которые вымещаются впоследствии на сверстниках. Жестокость со стороны родителей и сиблингов влияет на возрастание агрессивности подростков, которые травят своих одноклассников, нападая на их собственность, повышая вероятность физической и вербальной виктимизации других детей.

- Младших подростков, по их ответам, родители, применяя физические меры воздействия, наказывают за ложь, грубость, нецензурную брань, низкие оценки по школьным предметам, «плохое поведение», чрезмерное увлечение телефоном и гаджетами, непослушание, лень, безынициативность, не сделанное домашнее задание, проявление неуважения к старшим, ссоры с братьями и сестрами, упрямство и за «плохой характер» (по словам

родителей). Дети, в свою очередь, «наказывают» травлей и агрессией своих сверстников за ложь, трусость, хвастовство, лицемерие, обидные шутки, непохожесть на других (инаковость), цинизм, прилежность в учебе, неопрятность и пр. Таким образом, часто несправедливая агрессия снижает толерантность детей, порождает ответную необоснованную агрессию, которая ищет выход в разных ситуациях школьной жизни.

- Плохие отношения с сиблингами, психологическая жестокость со стороны братьев и сестёр зачастую определяют высокий уровень вербальной виктимизации подростка, который во внутришкольном взаимодействии становится жертвой психологического давления и изоляции. Интересно, что жестокость родителей в большей мере в ситуации школьной травли становится предиктором выбора роли «булля» (агрессора), а жестокость сиблингов – предиктором роли «жертвы».

3. Результаты исследования показали, что характеристики самой образовательной среды также влияют на проявление буллинга среди подростков.

- По данным опроса, можно сказать, что учителя иногда сами проявляют в отношении детей высокий уровень агрессии, в том числе и физической, что не даёт основания жертвам обращаться за помощью к педагогам в ситуации травли, а агрессорам, наоборот, даёт «индულгенцию» на жестокость и насилие. 56% школьников ответили, что педагоги никак не реаги-

руют на ситуацию буллинга в школе, а 6% констатировали, что учителя могут даже и разжигать эти конфликты. В целом по выборке дети также демонстрируют низкий уровень доверия школьному психологу в ситуации школьной травли.

- Буллинг влияет на чувство удовлетворённости психологическим климатом в классе, на желание подростка посещать занятия, быть объединённым совместной деятельностью с одноклассниками, но не связан при этом с отношением подростков к школе в целом.

- Среди факторов противостояния такому явлению, как буллинг, подростки выделяют следующие: 1) жестокое наказание обидчиков (агрессоров); 2) чёткие действия школы, администрации, учителей; 3) изменение личностных характеристик самих учеников; 4) привлечение к ответу родителей. Большое количество отвечавших мальчиков – жертв буллинга – высказали фаталистическую позицию, что никто и ничто помочь в ситуации травли не сможет, поэтому нужно смириться и терпеть.

4. Необходим комплексный социально-психологический подход к разработке моделей и механизмов противодействия буллингу в школьной среде, который позволит учесть всю совокупность личностных, семейных, микросредовых и социальных факторов, влияющих на процесс виктимизации подростков.

Статья поступила в редакцию 28.06.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Школьная травля и позиция учителей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 1. С. 103–116.
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
3. Бутенко В.Н., Сидоренко О.А. Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 3 (33). С. 138–143.
4. Воликова С.В., Калинкина Е.А. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4 (88). С. 138–161.
5. Глазырина Л.А., Костенко М.А. Предотвращение насилия в образовательных учреждениях. Методическое пособие для педагогических работников / под ред. Т.А. Епояна. М., 2015. 145 с.
6. Гришина Т.Г. Исследование буллинга среди школьников: обзор зарубежных исследований // Современная прикладная психология: теория и практика: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 т. / под ред. Т.Н. Мельникова, Н.Т. Колесник. Т. 2. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 14–17.
7. Дерябина В.В. Психологическая безопасность образовательно-воспитательной среды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 88–96.
8. Ермолова Т.В., Савицкая Н.В. Буллинг как групповой феномен: результаты исследования буллинга в Финляндии и скандинавских странах за последние 20 лет (1994–2014) // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 65–90.
9. Кривцова С.В., Белевич А.А., Шапкина А.Н. Школьный буллинг: об опыте исследований распространенности буллинга в школах Германии, Австрии, России // Образовательная политика. 2016. Т. 3. № 73. С. 2–25.
10. Нестерова А.А. Психологические особенности детей, склонных к виктимности в ситуации школьной травли // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. № 5. С. 277–285.
11. Обухова Ю.В., Гурьева В.О. Образ сверстника – жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения // Российский психологический журнал. 2017. № 2. С. 8–10.
12. Овсяник О.А., Зотова Л.Э. Шульга Т.И., Сидячева Н.В. Проявление агрессивного поведения в процессе социально-психологической адаптации личности // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1 (45). С. 36–47.
13. Руланн Э. Как остановить травлю в школе: Психология моббинга. М., 2012. 264 с.
14. Сидячева Н.В. К вопросу о развитии морали и нравственности современной молодежи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 4. С. 21–23.
15. Собкин В.С., Смылова М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 71–86.
16. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007. 480 с.
17. Ajzen I., Madden T.J. Prediction of goal-oriented behavior: Attitudes, intention and perceived behavioral control // Journal of Experimental Social Psychology. 1986. Vol. 22. Pp. 453–474.

18. Bronfenbrenner U. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. 336 p.
19. Espelage D.L., Rao M.A., La Rue L. de. Current research on school-based bullying: A social-ecological perspective // *Journal of Social Distress and the Homeless*, 2013. Vol. 22. P. 7–21.
20. Kasper H., Heinzlmann-Arnold I. Schülermobbing – tun wir was dagegen! Smob-Fragebogen mit Anleitung und Auswertungshilfe. Klasse 5–13. Lichtenau: AOL-Verlag, 2010. 48 p.
21. Lodge J., Baxter J. Children's experiences of unfriendly behaviours // *The Longitudinal Study of Australian Children Annual Statistical Report 2012*. Melbourne: AIFS, 2013. P. 93–111.
22. Olweus D. Bullying at school: What we know what we can do. New York, 1993. 140 p.
23. Pečjak S., Pirc T. Bullying and perceived school climate: Victims' and bullies' perspective // *Studia psychologica*. 2017. Vol. 59 (1). P. 22–33.
24. Rigby K. Bullying in Australian schools: Multiple perceptions of bullying [Электронный ресурс] // National Centre against Bullying Conference, Melbourne, July 28–29th, 2016. URL: <http://www.kenrigby.net> (дата обращения: 10.07.2018).
25. Sullivan K. The anti-bullying handbook. London, 2011. 250 p.

REFERENCES

1. Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. [School bullying and the teacher]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015, vol. 6, no. 1, pp. 103–116.
2. Bochaver A.A., Khlomov K.D. [Bullying as a research object and a cultural phenomenon]. In: *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2013, vol. 10, no. 3, pp. 149–159.
3. Butenko V.N., Sidorenko O.A. [Bullying in the school educational environment: a study of the psychological characteristics of "offenders" and "victims"]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2015, no. 3 (33), pp. 138–143.
4. Volikova S.V., Kalinkina E.A. [Parent-child relationships as a factor in school bullying]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2015, no. 4 (88), pp. 138–161.
5. Glazyrina L.A., Kostenko M.A. *Predotvrashchenie nasiliya v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh. Metodicheskoe posobie dlya pedagogicheskikh rabotnikov* [Preventing violence in educational institutions. Methodical manual for teachers]. Moscow, 2015. 145 p.
6. Grishina T.G. [A study of bullying among schoolchildren: a review of international research]. In: Mel'nikov T.N., Kolesnik N.T., eds. *Sovremennaya prikladnaya psikhologiya: teoriya i praktika: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Modern applied psychology: theory and practice. Collection of articles of International scientific-practical conference. In 2 volumes], Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017, vol. 2, pp. 14–17.
7. Deryabina V.V. [Psychological security of educational environment]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2017, no. 2, pp. 88–96.
8. Ermolova T.V., Savitskaya N.V. Bullying as a group phenomenon: a study of bullying in Finland and the Nordic countries over the last 20 years (1994–2014)]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2015, vol. 4, no. 1, pp. 65–90.
9. Krivtsova S.V., Belevich A.A., Shapkina A.N. [School bullying: the experience of studies of the prevalence of bullying at schools in Germany, Austria, Russia]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, vol. 3, no. 73, pp. 2–25.
10. Nesterova A.A. [Psychological peculiarities of children who are prone to victimization in

- the situation of school bullying]. In: *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life], 2015, no. 5, pp. 277–285.
11. Obukhova Yu.V., Gur'eva V.O. [The image of the age – victims of bullying schoolchildren with varying degrees of victimization behavior]. In: *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 2017, no. 2, pp. 8–10.
 12. Ovsyanik O.A., Zotova L.E., SHul'ga T.I., Sigacheva N.V. [Manifestation of aggressive behaviour in the process of socio-psychological adaptation of the personality]. In: *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research of social problems (electronic journal)], 2015, no. 1 (45), pp. 36–47.
 13. Rulann E. *Kak ustanovit' travlyu v shkole: Psikhologiya mobbinga* [How to stop bullying at school: the Psychology of mobbing]. Moscow, 2012. 264 p.
 14. Sidyacheva N.V. [To the question about the development of morality of today]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology], 2010, no. 4, pp. 21–23.
 15. Sobkin V.S., Smyslova M.M. [Bullying at school: the impact of socio-cultural context (on the materials of cross-cultural research)]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014, no. 2, pp. 71–86.
 16. Furmanov I.A. *Agressiya i nasilie: diagnostika, profilaktika i korrektsiya* [Aggression and violence: diagnostics, prevention and correction]. St. Petersburg, 2007. 480 p.
 17. Ajzen I., Madden T.J. Prediction of goal-oriented behavior: Attitudes, intention and perceived behavioral control. In: *Journal of Experimental Social Psychology*, 1986, vol. 22, pp. 453–474.
 18. Bronfenbrenner U. *Making human beings human: Bioecological perspectives on human development*. Thousand Oaks, CA, Sage, 2004. 336 p.
 19. Espelage D.L., Rao M.A., La Rue L. de Current research on school-based bullying: A social-ecological perspective. In: *Journal of Social Distress and the Homeless*, 2013, vol. 22, pp. 7–21.
 20. Kasper H., Heinzelmann-Arnold I. Schylermobbing – tun wir was dagegen! Smob-Fragebogen mit Anleitung und Auswertungshilfe. Klasse 5–13. Lichtenau, 2010. 48 p.
 21. Lodge J., Baxter J. Children's experiences of unfriendly behaviours: In: *The Longitudinal Study of Australian Children Annual Statistical Report 2012*. Melbourne, AIFS, 2013, pp. 93–111.
 22. Olweus D. *Bullying at school: What we know what we can do*. New York, 1993. 140 p.
 23. Pečjak S., Pirc T. Bullying and perceived school climate: Victims' and bullies' perspective. In: *Studia psychological*, 2017, vol. 59 (1), pp. 22–33.
 24. Rigby K. Bullying in Australian schools: Multiple perceptions of bullying. In: *National Centre against Bullying Conference, Melbourne, July, 28–29th, 2016*. Available at: <http://www.kenrigby.net> (accessed: 10.07.2018).
 25. Sullivan K. *The anti-bullying handbook*. London, 2011. 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нестерова Альбина Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: anesterova77@rambler.ru

Гришина Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: 51282@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Albina A. Nesterova – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: anesterova77@rambler.ru

Tatyana G. Grishina – Postgraduate student at the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: 51282@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нестерова А.А., Гришина Т.Г. Предикторы школьной травли в отношении детей младшего подросткового возраста со стороны сверстников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 97–114. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-97-114

FOR CITATION

Nesterova A.A., Grishina T.G. Predictors of school bullying of young adolescents by their peers. In: *Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Psychology*, 2018, no. 3, pp. 97–114. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-3-97-114